

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА, ИЗУЧЕНИЯ ЕГО ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

С конца 80-х гг. XX в. как в академических кругах, так и на политической арене России все чаще стал звучать несколько подзабытый термин «казаки». Даже если это слово и произносилось, то оно по большей части ассоциировалось с фольклорными ансамблями, песнями из культового кинофильма середины века, в лучшем случае, с героями «Тихого Дона». Но, так или иначе, все это считалось «преданиями старины глубокой», чем-то вроде былинного цикла про Илью Муромца и Владимира Красное Солнышко.

И вот, в то самое время, когда казачья проблематика была уже почти окончательно отдана на откуп историкам, фольклористам и ценителям художественной самодеятельности, началось возрождение казачества. Общественное мнение разделилось. Большинство обывателей увидело в энтузиастах «первой волны» организаторов театрализованных представлений, святочных ряженных и только недоуменно пожимало плечами: «Какие еще могут быть казаки в век электроники и космических полетов?» Другие (их было меньшинство) полагали, что возрождение казачества есть одно из необходимых условий возрождения России, точно также как и возрождение старообрядчества, традиций и обычаев социально-экономической и культурной жизни российских регионов.

Наступает час дать ответ на этот вызов времени, поэтому проблемы казачьей истории из области академических дискуссий переместились в повседневную жизнь, а исторические факты из аргументов в защиту той или иной концепции превратились в предмет ожесточенных политических споров. Во всей остроте встал вопрос об этнической сущности и социальной принадлежности казачества. Из многочисленных точек зрения сформировалось, по крайней мере, три направления.

Сторонники первого направления, продолжая традиции дореволюционных «государственников» и разделяя взгляды большинства советских исследователей, усматривают в казачестве военно-служилое сословие. Из этой теоретической посылки возможны два вывода. Вывод первый: сословия упразднены самим ходом истории, следовательно,

стремление возродить казачество обосновано не более чем желанием регенерации боярства, посадских и гулящих людей. Эта позиция в свое время привела к большевистской политике «расказачивания», и сегодня вряд ли найдет последовательных сторонников. Вывод второй: поскольку казаки были людьми служилыми, то есть смысл использовать их для усиления правоохранительных органов и вообще силовых структур. На этом базируется идея «реестрового казачества», хотя в самой России отродясь никаких «реестровых» казаков не было.

Сторонниками второго направления являются по большей части сами казаки, имеющие отношение к научной и краеведческой деятельности. В этой среде довольно широко распространена концепция о казаках как об особом восточнославянском народе, наряду с русскими, украинцами и белорусами. В крайнем варианте этой доктрины казаки вообще рассматриваются как «народность, образовавшаяся в начале новой эры, как результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа Кос-Сака (или Ка-Сака) и Приазовских славян Меото-Кайсаров с некоторой примесью Асов-Аланов или Танаитов (Донцов)» [5, с. 22]. Однако столь ответственная «теорема» требует, по крайней мере, дополнительных доказательств. Компромиссная точка зрения представлена в работах Н. А. Таболиной, считающей, что казаки парадоксально сочетают в себе и этнические, и социальные характеристики, но не являются моноэтническими [7].

Третьего направления придерживалось большинство дореволюционных исследователей казачьего быта. Его сторонники есть и среди нынешних казаковедов. Они полагают, что казаки — органическая составная часть русского народа, обладающая, безусловно, заметными специфическими чертами (военизированный быт, например). Но ведь и поморы отличаются от жителей Поволжья, и русские в Петербурге не во всем похожи на русских старожилов Сибири.

Русский этнос, как и всякий другой, является сложной, динамически развивающейся органической системой, обладающей неповторимой структурой, включающей в себя в качестве компонентов и элементов различные субэтнические формирования, конвексии и консорции (если воспользоваться терминологией Л. Н. Гумилева) [2, с. 108–111], между которыми существует тесная взаимосвязь, субординированность и координированность в пространстве и времени. Необходимо особо подчеркнуть, что все эти субэтнические образования абсолютно равноценны, как равноценны различные части единого организма и различаются лишь

функциями, что, разумеется, не может не налагать своего отпечатка на образ жизни, культурно-бытовые традиции, менталитет и т. п., но все это — различия внутри системы. Они служат только ее укреплению и формированию неповторимого качества (интегративных свойств).

Конечно, в реальной жизни не все можно однозначно промаркировать и разложить по полкам. Расселившись на 1/6 части суши (включая страны СНГ), русскоязычное население причудливо сочетает в себе черты этноса и суперэтноса. В этой связи заслуживает внимания замечание о том, что самоназвание только нашего народа есть имя прилагательное (русские), тогда как прочие (французы, немцы) обозначаются именами существительными. Отсюда следует, что нет русских вообще, а есть русские поморы, русские уральцы, сибиряки и т. д. Если когда-нибудь будет доказан суперэтнический статус «русских», то остальные образования могут претендовать на статус этносов, но до тех пор, пока этого не сделано, корректнее будет исходить из концепции существования именно «русского этноса», тем более что граница между этносом и суперэтносом весьма подвижна, зыбка и совсем не напоминает Великую китайскую стену.

С этой точки зрения российское казачество, безусловно, является субэтносом русского народа, на долю которого в нашей истории выпали почетные, но и в высшей степени сложные функции пионеров колонизации и пограничных стражей. Расселившись по границам государства, казачество стало своего рода «озоновым слоем» российской цивилизации, воспринимая социокультурный опыт сопредельных народов и сохраняя одновременно славяно-христианский культурно-исторический тип. Отсюда — известная амбивалентность казачьего этнического самосознания.

Об этом свидетельствуют материалы сборника, увидевшего свет в 1928 г. В публикации представлены ответы на вопросы анкеты о прошлом, настоящем и будущем казачества, разосланные эмигрантским организациям по предложению войсковых атаманов и правления Казачьего союза. Всего поступило около 90 ответов, в том числе от казаков и их организаций — 57. Только в 11 ответах (из них в трех — с большими оговорками) проводится мысль о казаках как особом народе. Но и в этом случае лишь три человека не только не связывали казачьи судьбы с Россией, но прямо противопоставляли казаков русским. В 46 случаях респонденты считали себя *русскими казаками*, а будущее казачества видели в Российском государстве с широкой областной ав-

тономией. Наиболее характерным в этой связи представляется постановление объединенной казачьей станицы Дона, Кубани и Терека (Филадельфия, США): «Мы будем казаками и будем русскими. Это не программа, не догма, но *строение нашей души* (курсив наш — авт.), источник помыслов, ощущений и деятельности» [4, с. 37].

Этот ответ дорогого стоит, ибо в нем — проявление казачьего самосознания. Надо ли, в таком случае «плыть против течения», доказывая, что казаки — не то «сословие», не то «народ», коль скоро сами они считали себя субэтносом русского народа, хотя и не употребляли такого термина. В конце концов, именно самоидентификация является *системообразующим* элементом этнического формирования, при всей важности географического, экономического, культурно-языкового и прочих факторов.

Важнейшим методологическим ориентиром в изложении материала являются цивилизационный подход и теория этногенеза Л. Н. Гумилева [2], позволяющие увидеть зависимость этнических образований от природно-климатических, географических и конфессиональных факторов, дающие возможность раскрыть историческое движение с точки зрения имманентных процессов развития.

С позиций формационного (марксистского) подхода выявить внутренние тенденции развития и специфику казачества весьма трудно, если вообще возможно. Исторический материализм имеет дело преимущественно с социальной структурой общества (классы, сословия, социальные группы), сам национальный вопрос считается производным от классового. Поэтому в казаках видели либо военно-служилое сословие, либо особый отряд крестьян («вооруженные крестьяне»).

С точки зрения цивилизационного подхода «казачество» можно рассматривать в широком и узком смысле. На стыке цивилизаций, в зонах так называемого фронта (или в контактных зонах), почти неизбежно появление объединений людей по типу казачьего войска, или, вернее сказать, само оно копировало такой тип объединения. Организация по принципу «народ-войско» («орда») давала возможность не только совершать набеги и отражать нападения недругов, но и способствовала хозяйственному освоению территории, сохранению традиций, обычаев, веры. Поэтому нетрудно во всемирной истории найти аналогии казакам (с поправками на время, место и обстоятельства). Сюда можно отнести федератов поздней Римской империи, охранявших ее границы на известных условиях, балканских граничар и даже (с еще

большими поправками) рейнджеров северо-американского фронта, готовых не только осваивать землю, но и отстаивать ее с оружием в руках. Не составит большого труда отыскать параллели и в фемном строе Византии, где стратиоты были одновременно и воинами, и земледельцами. И уж совсем очевидным представляется влияние организации кочевых племен на формирование казачьих войсковых структур.

В узком смысле слова «казачество» есть исключительно восточно-славянское явление, сложившееся в особых исторических условиях XV–XVI вв. Здесь не должно вводить в заблуждение сходство в наименовании племен, проживавших в Причерноморье и на Северном Кавказе в разные исторические эпохи («касоги» — «казяги» — «казаки» и т. п.). Византийские авторы восточных славян нередко именовали тавроскифами, хотя ни о каких скифах уже не было помину, а французы и сегодня называют немцев аллеманами (*allemagne* — *франц.*), несмотря на то, что это самоназвание только одного из германских племен, имеющее к тому же лишь косвенное отношение к этногенезу сегодняшних немцев. Как отмечает Л. Н. Гумилев, новый этнос нередко забывает сменить этноним, бытовавший до его появления на оккупированной им территории [2, с. 111].

Известно, что наряду с казаками-русскими были казаки-калмыки, казаки-башкиры и казаки-осетины, казаки-татары и казаки-армяне, казаки-буряты и якуты. Это естественно. Сходные природно-климатические, социально-экономические и т. п. условия порождают сходные явления. Обособленные группы аборигенного населения, вступая в интенсивные контакты с русскими казаками, могли также называть себя этим именем. Со своей стороны российские власти, не умея придумать ничего лучшего для обозначения нерегулярных войск из нерусских народов, давали и им наименование казачьих. Не следует выпускать из виду и тот факт, что переход части «инородцев» в казаки был одним из каналов их добровольной ассимиляции с русскими. Если еще учесть численное соотношение русских и нерусских групп в казачестве, то окажется, что нередко декларируемая полиэтничность казаков существует более в воображении исследователей, чем на самом деле.

Начав свой путь с образования особой консорции (группы людей, объединенных, часто эфемерно, одной исторической судьбой на короткое время), казаки-«инородцы» могли со временем превратиться в конвиксию (группу особей с однохарактерным бытом и семейными связями, низший таксон этнической иерархии), а в последующем стать

одним из отрядов русского казачества. Могли стать, но могли и не стать. Здесь все зависело от совокупности обстоятельств, трудно поддающихся ретроспективному учету.

Цивилизационный подход предостерегает исследователей от смешения понятий. Когда говорят, что «казаки сочетают в себе и этнические, и сословные черты, и невозможно механически отрывать одно от другого» [7, с. 127], то доля истины в этом, конечно есть. В том смысле, что любой народ обладает экономической, социальной, политической, культурной, конфессиональной и еще Бог знает какой проекцией. Это бесспорно. Но в отношении казаков все это обращается в эклектичную формулу: «С одной стороны вроде бы этнос, с другой — несомненно, сословие». Еще в 1956 г. полковник С. В. Болдырев основательно рассмотрел версию о казачьей сословности и признал ее непригодной для практического руководства [1, с. 1–3]. В самом деле, до XVIII в. сословий в России в западноевропейском смысле не было, да и потом, при Петре I и Екатерине II были созданы скорее «квазисословия». Казачество же существовало задолго до утверждения «сословного строя». Даже с появлением «сословий» человек мог состоять только в одном из них. Разбогатевший крестьянин записывался в горожане, священник, перешедший на государственную службу по достижению соответствующего чина (до 1845 г. — коллежского асессора), становился дворянином и т. д. Среди казаков в первой половине XIX в. были и дворяне, и купцы, и священники, но объединяло их не социальное (оно-то как раз и привело к братоубийственной резне в гражданской войне), а этническое начало. Все они — от атамана в полном генеральском чине и с графским достоинством до рядового станичника — вполне ощущали свою принадлежность к казачеству как единому целому. Конечно, С. В. Болдырев в пылу полемики перегнул палку в другую сторону, объявив казаков особым народом, имевшим некогда особое государство, но полковник не всегда может разобраться в тонкостях этнологии, а больше заступиться за казаков оказалось некому.

В современных условиях распада не только СССР, но и СНГ, когда Россия почти возвратилась к границам времен начала царствования Алексея Михайловича, проблема казачества обретает новые аспекты. Дело в том, что рубежи нашего государства сегодня практически совпадают с районами традиционного проживания казачества, а проблема охраны границ приобретает статус федеральной. Поэтому возрождение казачьих поселений может способствовать решению вопроса «прозрач-

ности» границ для людей доброй воли из соседних стран и, одновременно, ее надежной защищенности от террористов, наркотрафика и прочих нежелательных явлений. Дальнейшее освоение Сибири, необходимость охраны ее лесов, вод и недр, международных магистралей и проч. также заставляют подумать о «казачьем вопросе» Речь при этом должна идти не столько о создании отдельных военизированных казачьих формирований (что само по себе не вызывает возражений), сколько о возрождении приграничного (фронтирного) станичного уклада казачьей жизни. В свою очередь, «историческое, духовное, культурное возрождение казачества, восстановление этнической самобытности казачества, корневой связи с землей, историей, культурой немыслимо без опоры на исторический опыт» [3, с. 8].

На долю казачества в русской истории выпали почетные, но в высшей степени сложные функции. Расселившись по границам империи, они образовали своего рода «озоновый слой» российской цивилизации, воспринимая социокультурный опыт сопредельных народов и сохраняя одновременно славяно-христианский культурно-исторический тип.

Само казачество находилось в постоянном движении. Отдельные его отряды (волжские казаки XVI в., например) не смогли противостоять сложившимся неблагоприятным для них обстоятельствам и «растворились» среди прочих казачьих формирований, другие (отнодь не по своей воле) вынуждены были поменять места обитания (кубанские казаки), третьи, вбирая в свой состав различные слои населения, дали начало особым казачьим войскам.

Функционально казаки делились на вольных и служилых, но со временем различий между ними оставалось все меньше и меньше. С одной стороны, по крайней мере с середины XVI в. некоторые казачьи станицы переходят временно на государеву службу и в дальнейшем сливаются со служилыми людьми. С другой стороны правительство, в XVIII — первой половине XIX в., приступает к активному формированию новых казачьих войск с учетом исторического опыта вольного казачества.

Сибирские казаки по своему происхождению являлись казаками служилыми. Они, как отмечал Г. Е. Катанаев, набирались «по царскому указу, воеводскому приказу» [6, с. 8]. Это во многом обусловило их специфику. В отличие от донских, сибирские казаки располагались не компактным районом проживания, а заселили сравнительно узкую пограничную полосу протяженностью свыше 2000 верст. В середине XIX в. Сибирская казачья линия начиналась у границ Оренбургского войска

(пос. Сибирский) и направлялась на восток примерно под 55⁰ с.ш. до Омска (этот участок назывался Пресногорьковской или Горькой линией). От Омска она шла к юго-востоку и тянулась до Усть-Каменогорска по правому берегу Иртыша (Иртышская линия). Один из участков линии поворачивал в долину р. Бухтармы и вел к пос. Урыльский, другой — шел от Усть-Каменогорска до Бийска и был известен под наименованием Бийской казачьей линии [8, с. 6–12]. До середины XIX в. существовала также цепь казачьих поселений от Кузнецка до Бийска, но в 1848 г. она была упразднена. Казаков большей частью переселили в Семиречье, а остальных записали «в крестьянское звание». Положение казаков на различных участках линии имело свою специфику. Различными были не только природно-климатические условия, но и характер службы, этнокультурная ситуация, социально-политическая обстановка на границах, что неизбежно накладывало свой отпечаток на образ жизни казаков.

В этой связи чрезвычайно важно изучить особенности социальной жизни каждого из отрядов сибирского казачества, показать их взаимоотношение с государством, специфику службы, семейно-бытового и хозяйственного строя. Особое значение имеет восстановление исторического прошлого казаков на всем протяжении линии границы в регионе Западная Сибирь, в связи с тем, что этот регион вновь превратился в пограничный район России, а проблема охраны границы приобрела статус федеральной. Ее решение невозможно без возрождения казачества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев С. В. Кто мы казаки? // Родимый край. № 95. Июль-август 1971.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.
3. История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1.
4. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992.
5. Казачий словарь-справочник Т. 2 / сост. Г. В. Губарев, ред.-изд. А. И. Скрылов. Репринтное воспроизведение издания 1968 г. М.: ТО «Созидание», 1992.
6. Катанаев Г. Е. Западносибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. СПб., 1908.
7. Таболина Т. В. Казачество: История, хроника, перспектива: 1989–1994. М., 1994.
8. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.